
Этнокультура в пространстве глобализации (обзор международного конгресса в Грозном)

В октябре 2014 г. в Грозном прошёл I Международный конгресс “Пространство этноса в современном мире”, организаторами которого выступили Чеченский государственный (ЧГУ) и Южный федеральный (ЮФУ) университеты, Северо-Кавказский центр этнокультурных исследований, Правительство Чеченской Республики и Мэрия г. Грозного. В работе конгресса приняли учёные Северного Кавказа и Юга России, других регионов Российской Федерации и ряда зарубежных стран (Азербайджана, Грузии, Польши, Украины, Канады). Программа охватывала широкий круг вопросов: теоретические проблемы этноса; этнокультурные ландшафты и национальные образы мира; этнокультурный мир в условиях глобализации; этничность в контексте современного мегаполиса; проблемы и перспективы этнотуризма и этнокультурный брендинг; транснациональные социокультурные ниши и новые (само)идентификации. Материалы конгресса были полностью опубликованы¹.

Важность конгресса как научного мероприятия состояла в том, что этнокультурный материал из истории традиций, обрядов и образа жизни служил обоснованию современного положения этносов в глобализирующемся мире. При этом тема столкновения, “конфликта цивилизаций” не была забыта, но своего рода “альтернативным проектом” стала тема культурного взаимодействия и этнической солидарности, которая содержалась в Обращении к конгрессу директора ИФ РАН акад. *А.А. Гусейнова*: “Предметом теоретических споров и общественных страстей сегодня стал вопрос о том, какой сценарий взаимодействия этносов, культур и цивилизаций является более реалистичным и научно обоснованным – сценарий конфронтации, конфликта или диалога, партнерства... рассмотрение проблемы этносов и этнического многообразия мира, собравшей вас на форум, следует доводить до выявления её нравственно-обязывающих следствий” (с. 50). Обсуждаемые в этом русле глобальные проблемы оказались, на наш взгляд, наиболее интересными.

Исходным в развернувшихся дискуссиях было понятие “этнос”, с которым связывались и концептуальные предпочтения, и культурологические, антропологические и психологические характеристики этнокультур. Разработка этого понятия была продемонстрирована в самых различных аспектах: от этносемантического и этносемиотического (*В.С. Ромадыкина*, Донецкий юридический институт, Украина) – до философски-методологического (*Т.Г. Лешкевич*, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Обстоятельная характеристика основных подходов к объяснению этничности содержалась и в докладе *Л.В. Савинова* (Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск),

¹ Материалы I Международного конгресса «Пространство этноса в современном мире». Грозный, 2014, 447 с. Отрывки из выступлений участников конгресса цитируются по данному изданию. *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa Prostranstvo etnosa v sovremennom mire. Grozny: Izd. ChGU, 2014. 447 s. [Materials of the First International Congress The Space of Ethnos in the Modern World. Grozny: Publishing House of Chechen State University, 2014. 447 p.]*

подчеркнувшего, что “все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими”. Он отметил, что “на уровне отдельной личности – этнофора – процессы этнизации и феномены этничности наиболее адекватно объясняются с позиций примордиализма, а на макроуровне, на уровне этнических общностей, наиболее продуктивным представляется конструктивистский подход” (с. 129).

В докладе *Т.А. Мазаевой* “Этнос в пределах новой онтологии” (Чеченский госуниверситет, Грозный) содержались теоретические положения, суть которых можно выразить формулой: “этнос – культурно-историческая реальность”. Отгалкивалась от положения о том, что уникальность человека состоит в нерасторжимости двух его ипостасей – “естества” и “культуры”, *Т.А. Мазаева* акцентировала внимание на собственно культурологических измерениях этноса, его антропологическом, ценностно-смысловом, “ядре”: «Ценностно-смысловое “ядро культуры” составляет, на наш взгляд, сакральное пространство устойчивых этнических архетипов, которое имеет сущностный, примордиальный характер. Доминантные ценности и концепты “ядра культуры” формируют и устойчиво воспроизводят этнический менталитет, как особый тип духовности, выражающий наиболее значимые сущностные свойства этноса, как культурной целостности» (с. 7).

Актуализация вопросов о соотношении природного и культурного переносила обсуждение в философско-культурологическую плоскость, делая взаимодополняющими антропологические, психологические и лингвистические исследования: *Р.М. Абакарова* (Дагестанский госуниверситет, Махачкала); *З.Х. Бижева* (Кабардино-Балкарский госуниверситет, Нальчик); *А.А. Манкиев* (Институт гуманитарных исследований АН ЧР, Грозный); *С.И. Муртузалиев* (Институт всеобщей истории РАН, Москва); *З.И. Хасбулатова* и *З.С. Исакиева* (ЧГУ, Грозный) и др. Как неоднократно отмечалось на конгрессе, сакрализация этнических ценностей выступает системообразующим фактором культуры. Интересен в этой связи доклад *Н.Н. Альбекова* (Чеченский госуниверситет, Грозный) «Сакральное в этнической системе “Нохчий”» (с. 163–167). В свою очередь, тема сакрального как ядра культуры перекликалась в докладе *И.В. Мухановой* (Чеченский госпединститут, Грозный) с темой этнических констант. Вслед за *С.В. Лурье*, относившей к этническим константам ценности и верования, лежащие в бессознательном слое психики членов этноса, она обратилась к концепции “центральной зоны” этнической культуры и её “культурного стержня”.

М.М. Языков (Администрация ЦФО РФ, Москва) при построении теоретической модели этнокультуры объединил понятия “константы” и “этноконцепты”, которые существуют в единстве с первыми. Выступая “несущей конструкцией” культуры, “этноконцепт” остаётся её аксиологической “константой”. «В этноконцептах культуры, образующих изоморфно-инвариантную систему, происходит “сгущение” культурных ценностей, чувств, представлений, взглядов, идеалов, идей, теоретических воззрений, символов, стереотипов, благодаря чему индивид и осознает, и “ощущает” мир культуры, осваивает и творит его» (с. 192). Напрашивается вывод о том, что этничность может рассматриваться и как естественно-историческое основание социальной жизни, что и прозвучало в докладе *М.М. Кучукова* (Кабардино-Балкарский госагроуниверситет, Нальчик): “Этносы приняли на себя функцию субъекта социальности... Именно этнос стал образованием, где аккумуляровалось социальное в поведении, мироощущении и деятельности человека” (с. 97).

“Новая онтология” этноса объединила в единый мир человека, богов и природу. Подобная картина мира наблюдается в древнегреческой модели космоса. Сохранение культурного ядра этноса, его смысло-жизненных ценностей, “форматируемых” способностью различать добро и зло, закладывали основы социального общежития. В центре внимания на конгрессе оказались понятия “сакрального ядра” культуры и “этнокультурного архетипа”, реализующихся в виде некоторых констант, закрепляющих основополагающие свойства этноса как культурной целостности. Человек помещается на пересечении природного и божественного. Собственно говоря, здесь и возникает широко известная в античности и характерная для традиционных культур проблема соотношения “природы” и “установлений”, жизни “по природе” и “по установлениям”.

Воспроизводство, самосохранение и взаимодействие этносов участники конгресса рассматривали в региональных (“этнокультурные ландшафты и национальные образы

мира”) и глобальных (“этнокультурный мир в условиях глобализации”) измерениях. При этом характеризовались два полюса в пространстве этнической жизни – село и город, что позволяло конкретизировать ряд традиционных тем (этнокультурные стереотипы, толерантность, этноконфессиональный баланс и т.д.). Интересная характеристика трансформаций малочисленных этносов в условиях глобализации принадлежит *А.З. Адиеву* (Дагестанский научный центр РАН, Махачкала), который описал роль такой древней культурной нормы, как “престижное потребление”, в жизни современного горного села Дагестана. Здесь есть над чем поразмышлять. Ведь распространённость такой нормы в горном дагестанском селе приводит совсем к другим результатам, чем это было в хорошо исследованном гомеровском обществе. С другой стороны, пространство городской жизни активно осваивается этносом как её носителем. Здесь обращает на себя внимание доклад *Л.А. Штомпель* “Этнос и город: культурные взаимодействия” (ЮФУ, Ростов-на-Дону).

Историко-культурные сюжеты выступили своеобразным введением в проблемы глобализации: этнотипология в контексте всемирной истории и глобализации (*Н.А. Беркович*, Санкт-Петербургский государственный экономический университет); культурные феномены этнической идентичности народов Дагестана в условиях глобализации (*Р.И. Сефербеков*, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала); особенности современной национальной политики в Республике Башкортостан (*И.З. Султанмуратов*, Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан, Уфа); этнокультурные традиции и обычаи в условиях глобализации (*Ж.С. Тхазеплова*, *Ф.С. Эфендиев*, Северо-Кавказский государственный институт искусств, Нальчик). И всё же проблема заключалась в понимании глобализации как состояния и сути современного мира. Так она и обсуждалась, когда, в частности, была затронута полемика *А.Н. Чумакова* с *И.А. Гобозовым*, характеризующим глобализацию как “нарушение естественного исторического процесса”. Сам *А.Н. Чумаков* подчёркивает объективность глобализационных процессов. Действительно, глобализацию не останавливают географические и государственные границы, но невозможно не заметить, что она подчиняет национальные экономики господству транснациональных корпораций и унифицирует национальные культуры.

Наиболее близкими к такому пониманию взгляды обосновывались *В.П. Горюновым* (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет), рассматривающим современные процессы глобализации сквозь призму понятий “борьба за существование”, “насилие”, “информационно-технологический колониализм” и отношений господства и подчинения, цели и средств и неэквивалентного обмена. Опасности нового глобального миропорядка сторонники такого рода позиции связывали с преимуществами технологического превосходства и вытекающими из них явлениями унификации не только в области экономики, но и социально-политических отношений и культуры. Отмечалась негативная роль массовой культуры и систем массовой информации. *В.И. Каширин* (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь) обосновывал в этой связи развитие “гуманитарной кризисологии” как своего рода “теоретической оппозиции” сетевым войнам на Северном Кавказе.

Впрочем, не осталась без внимания и другая сторона глобализации. *Т.С. Паниотова* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) обстоятельно проанализировала одну из ведущих тенденций современной культурной глобализации – “гибридизацию” культур. Широко привлекалась мировая культурная конкретика. *П. Адамчевски* (Институт истории и этнологии им. И. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия) показал, что восприятие чеченской тематики в Европе (в частности, в популярной польской музыке) далеко не однозначно. *А. Вайшкевич* (Европейский Университет в Санкт-Петербурге), характеризуя азербайджанскую “мейхану” (род музыкально-речитативного состязания), доказал её вписанность в современные измерения. В докладе *А. Браерской* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) была дана обстоятельная характеристика “номадической идентичности” как характерного явления современного глобализирующегося мира.

Основания противоречивых оценок глобализации, прежде всего как модернизации, были эксплицированы в докладе *О.М. Штомпеля* (ЮФУ, Ростов-на-Дону), который отметил, что “в ходе модернизации неизбежны периоды разрушения, нестабильности, кризиса

во всем “многоцветии” этих явлений... Она включает в себя, наряду с положительно оцениваемыми чертами, и следующие основные моменты: социокультурный кризис и социокультурную деградацию, архаизацию и варваризацию культуры, культурный регресс и застой и возникающую на их основе утрату чувства безопасности, отсутствие устойчивых моделей инкультурации и идентификации и т.д.” (см. 23).

В целом же доминировало рассмотрение обсуждаемых проблем в “общечеловеческом” плане. Преодолевался своеобразный, учитывая тематику конгресса, этноцентризм: этнос рассматривался как некоторое пересечение глобальных и локальных измерений этнокультуры, своеобразное единство макро- и микроуровней. Общее настроение выразила *А.С. Куёк* (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований, Майкоп), трактующая этнический кризис как проблему общечеловеческую: “Пожалуй, за всю культурную историю мыслящий индивид еще не ощущал такого глубинного чувства утраты своих смысложизненных ценностей... Смысложизненная проблематика сегодня приобретает совершенно иное звучание. Актуальная во все времена и эпохи во всех культурах, эта проблематика трансформируется из традиционной проблемы личностного характера в глобальную, из сугубо индивидуальной – во всемирно-историческую. Сегодня она становится важнейшей проблемой смысла жизни всего человечества” (с.85).

Другое дело – сложности в решении поставленных проблем и реализации предлагаемых проектов. Как отметили *Е.Ю. Лунец* и *Е.В. Сердюкова* (ЮФУ, Ростов-на-Дону), “для выработки концепции стабильного развития Северного Кавказа следует учитывать потенциал этнокультурных традиций: идеи добра, диалога, уважения, содружества – того, что может содействовать формированию культуры, гуманного отношения друг к другу и природе” (с. 303). Возможным же это становится лишь в условиях равноправного сотрудничества культуры и цивилизаций и свободы этнического и национального самовыражения. Поднимались в этой связи и вопросы преодоления “цивилизационного высокомерия” и европоцентризма, переосмысления роли и значения локального в глобальном, как и глобального в локальном. *В.Н. Бадмаев* (Калмыцкий госуниверситет, Элиста) считает, что “стремление индивидов сохранить разнообразные формы своей этнокультурной идентичности, защитить свои традиционные практики и модели жизни можно рассматривать как ответ на культурную унификацию, попытки избежать негативных последствий процессов глобализации... Процессы глобализации изменяют устоявшиеся представления о центре мировой цивилизации и траекториях ее развития” (с. 48).

Р.С. Истамгалин и *Э.Р. Исева* (Уфимский государственный университет экономики и сервиса), объединяя локальное с глобальным, использовали понятие “региональная глобализация”. Они попытались реконструировать процесс всемирной интеграции и социокультурной унификации как сближения культурных основ некогда традиционных обществ. Ход мысли, безусловно, перспективный, поскольку он позволяет в реальной практике исследования связать трансформации этносов с процессами глобализации.

Западная Европа как тип культуры – носителя модернизации закладывалась в античности, выступившей в роли первооткрывателя, о чём шла речь и в докладе автора этих строк. Учет специфики Запада нисколько не закрывает путь к воспроизведению многообразной палитры мировой культуры. Унифицирующее воздействие современной западной цивилизации на традиционные типы культур проявляется тогда, когда она втягивает их в орбиту влияния техногенного мира. Именно Европа (и в этом смысле наиболее значимо выражение – Запад) породила науку как социокультурный институт. В этом случае и приходится констатировать взаимосвязь и взаимообусловленность трёх культурных событий в истории европейской цивилизации: Возрождения, Просвещения, Научно-технической революции. В этой связи выступавшие ссылались на переведённую ещё в 1966 г. М.К. Петровым статью П. Блэккета “Ученый и слаборазвитые страны”, в которой отмечалось, что термин “развивающиеся страны” (страны третьего мира, а значит и традиционные культуры) звучит иронически, поскольку они не только безнадежно отстали, но и обречены на дальнейшее отставание. Это те страны, которые не имеют науки, образования, технической оснащённости и возможности использовать наукоемкие технологии. Разрыв между развитыми индустриальными и странами третьего мира не уменьшается, а увели-

чивается. Тематика “ученый и слаборазвитые страны”, “наука Востока и наука Запада” позволила связать этническую тематику с вопросами о месте науки в системе культуры и трансплантации науки в иную культурную среду.

Очевидно также то, что как только мы апеллируем к античной ситуации, обнажается определенный социально-культурный срез, характеризующий разрыв с традиционными типами культуры, совершённый греками, и сохранившееся до сих пор “двуязычие” в культуре (миф и логос). “Профессионально-именной тип кодирования” М.К. Петров считал характерным для стран “научной пустыни”. В условиях островного земледелия и морской цивилизации греки были вынуждены фрагментировать социально необходимую область поведения в гражданские навыки, но тем самым они создали предпосылки нового способа мышления. Порвав с традиционной культурой, греки вышли за рамки гилозоизма и персонификации, развязали языковой формализм, ввели универсальный принцип тождества мысли и бытия, открыв Европе путь научного развития. Но в то же время этничность, как вытекало из выступлений на конгрессе, выступает не “осколком” прежнего традиционного мира, а важнейшим системообразующим элементом современного цивилизационного пространства. Уместно привести слова *Р.М. Абакаровой* (Дагестанский госуниверситет, Махачкала): “В поликультурной России этнические идентичности транслируют уникальный культурно-адаптивный опыт народов и тем самым отвечают модернизационным процессам в современности, сохраняя духовное единство традиции в период конфликтных ситуаций. Этнокультурная идентичность легитимирует духовные традиции поликультурной цивилизации и элиминирует религиозную и этнонациональную нетерпимость” (с. 39).

Представляется, что обращение к античности вывело обсуждение этнических проблем на общеполитический уровень. В самой культуре народов Северного Кавказа весьма заметны следы пантеизма, гилозоизма и “языческой” культуры в целом. Мы видим истоки современных проблем в античном противопоставлении веры и знания, мифа и логоса, сознательного и бессознательного. Культура как единство человека и природы выступает в качестве основного императива этнического сознания и самосознания. Поэтому с большой осторожностью воспринимается сегодня углубляющийся разрыв между человеком и природой, десакрализация и рост индивидуализма. В понимании же свободы как внутренней нормы и самоограничения (“внутренняя свобода”, М. Поленц) этнокультура с греками не расходится, впрочем, как и в понимании “внешней свободы” как противодействия принуждению.

Состоявшийся конгресс показал вторую сторону этнической тематики – философской глобалистики и будущего России. Процессы глобализации оказались более наглядны в этнокультурных измерениях. Этнический мир культуры вмещает в себя весь мир. В нём сопряжены все боли и радости человечества. Ведь культура – это находящие свою реализацию в этнических стереотипах наиболее характерные модели поведения, в которых реализуется архетипическое, способность человека различать добро и зло, прекрасное и безобразное. Сохранение антропологического ядра культуры продолжает оставаться необходимым условием трансляции и обновления социального опыта. Конгресс, обратившись к этнокультуре, поставил вопрос о её значении как фактора познания, самоопределения и, наконец, самосохранения надэтнического единства.

Г.В. Драч (Ростов-на-Дону)